

The book cover features a dramatic, cinematic illustration. In the foreground, a man with dark, wavy hair and a light beard looks down with a somber expression. Behind him, a young woman with long brown hair and a red shawl looks over her shoulder, and a blonde woman in a dark coat looks forward. The background is a misty, mountainous landscape with evergreen trees and a small, lit cabin on a cliff. The sky is filled with heavy, grey clouds.

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

АЛЬБИНА НУРИ

ВМЕСТО МЕНЯ

Голоса тьмы

Альбина Нури

Вместо меня

«Автор»

2026

Нури А.

Вместо меня / А. Нури — «Автор», 2026 — (Голоса тьмы)

Писатель Роман Аверьянов, сломленный личными неудачами, приезжает в уральский городок Чернопадъ, чтобы написать заказную книгу о процветающем предприятии «Дивья». Сразу по приезде он сталкивается с необъяснимым: ему чудится чужое присутствие, лес пугает и кажется населенным потусторонними существами, а в окне гостиницы он видит своего двойника. Местные рассказывают легенды о жутких дивьих людях, обитающих возле Черной Пади. Вдобавок Роман разрывается между двумя женщинами: хозяйкой компании Маргаритой и ее падчерицей Соней, уверенной, что мачеха – ведьма и убийца. Чем глубже Роман погружается в местные тайны, тем труднее ему понять, кто лжет, кому можно верить – и зачем он оказался здесь.

© Нури А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альбина Нури

Вместо меня

Роман

Глава первая

В моем номере – две смежные комнаты: гостиная и спальня. Войдя, я обнаружил свой чемодан, полный бар, белоснежный халат, комплект полотенец, приветственный подарок – набор шоколадных конфет. Я так дотошно перечисляю все это, потому что мне страшно подступить к сути.

На ночном столике возле кровати лежала раскрытая книга страницами вниз – это выглядело так, будто ее читали, а потом отложили. Я удивился: персонал, кажется, вышколен, а вот поди ж ты – горничная забыла книгу. Или она осталась от предыдущего постояльца? Но ведь номер наверняка убирали.

Я взял книгу в руки. Это был триллер современной японской писательницы с непроизносимой фамилией. Мне вспомнилось, что я читал ее – вернее, попытался сделать это, но заскучал и бросил. Бестселлер Японии, по которому снят фильм, а я, помнится, гадал, как столь скучная книга могла добиться такого громкого успеха.

«Может, ты завидуешь?» – прозвучали в памяти слова Полины. Ей роман по неведомой мне причине понравился.

Полина...

Сколько можно думать о ней, вспоминать бывшую жену к месту и не к месту!

Разозлившись на нее, себя, японскую писательницу и неряху-горничную, я отшвырнул книгу и решил заняться распаковкой вещей. Распахнул двери шкафа и сперва подумал, что это уже ни в какие ворота не лезет. Безобразие, невнимательность!

На плечиках висела футболка – красная, яркая настолько, что глазам больно, с громадным желтым смайлом на груди. Я немедленно узнал ее – сколько раз видел! – и попятился, чувствуя, что съеденный ужин вот-вот попросится наружу.

«Какого хрена, – подумал я, – что за шутки?»

Стоял и с безопасного расстояния пялился на футболку с таким ужасом, точно она была живым, опасным существом, могла соскочить с плечиков и задушить меня.

Захлопнув шкаф, я старался отдышаться, и постепенно мне это удалось.

Кто был здесь? Кто решил поиздеваться надо мной и поместить сюда эти вещи?

В общем-то в них не было ничего уникального, они же не были выпущены в единичном экземпляре. В России несколько тысяч книжек этой авторши в мягкой обложке и столько же красных футболок. Наверное, кто-то забыл их, вот и все. Горничная проглядела, была невнимательна, стоит ли раздувать?

Впрочем, именно это я и собрался сделать – поскандальить. В номере имелся телефон для связи с ресепшеном, и я им воспользовался.

– Добрый вечер, – пропел голос на том конце провода.

– Не такой уж добрый, – прорычал я.

– Что-то случилось? Возникли проблемы? – испугалась администратор.

– В моем номере чужие вещи. Книжка, футболка. Видимо, их оставил человек, который жил до меня. Его забывчивость понятна, но разве горничные не должны, убирая в номере перед заселением следующего гостя, освобождать комнаты в том числе и от оставленных вещей?

– Прошу вас, не волнуйтесь! Разумеется, мы так и делаем, и в этот раз тоже в номере убирали! – Она сделала крошечную паузу. – Скажите, возможно, вы сами положили...

– Вы в своем уме? – взорвался я, хотя не собирался орать. – По-вашему, я сам, не помня, когда и как, вытащил из чемодана и повесил на плечики футболку, достал книгу, почитал и оставил на столике? Меня, к вашему сведению, не было в номере! Как только приехал, сразу отправился на встречу!

Девушка принялась уверять меня, что не имела в виду ничего такого, ей очень жаль, она сейчас же пришлет кого-нибудь, чтобы забрать чужие вещи.

Я швырнул трубку и едва отдышался, как в дверь постучали. На пороге стоял парень, все своим видом изображающий, насколько ему жаль.

– Минутку, – бросил я и отправился в спальню, чтобы принести книгу и футболку.

Книги на столике не было. Пару минут назад она лежала там, а теперь столик был пуст. Может, я убрал? Но что-то внутри меня уже знало: это не так. Я подошел к шкафу и открыл его. Футболка тоже исчезла.

– Что за... – Я выругался.

Служащий стоял там, где я его и оставил, и вопросительно смотрел на меня.

– Не понимаю. Только что все было на месте, но теперь...

– Так чужих вещей в вашем номере нет? – уточнил парень.

Можно догадаться, какого он мнения о моих умственных способностях, каких эпитетов я удостоюсь, когда они с девушкой-администратором станут обсуждать инцидент.

Ладно, ну их к чертям собачьим. Но как, как это могло произойти, и что – *это*? Я вернулся в спальню с мыслью о том, что книга и футболка снова окажутся на столике и в шкафу, но их там не было.

Я сошел с ума, надышался уральским воздухом и мне почудилось?

Или тот, кто хозяйничал в моем номере вместо меня, потихоньку убрал вещи, чтобы выставить меня идиотом? Но откуда они вообще тут взялись, если я не брал в поездку ни этот роман, ни эту футболку? И куда подевались, ведь в номер никто не мог войти незамеченным, когда я находился здесь?

Головная боль застучала в висках. Я не знал ответа на эти вопросы. И это был первый (но далеко не последний) раз, когда я пожалел, что согласился на предложение Макса и приехал в Чернопадь...

– Ты совсем с ума сошел? Не поеду я в эту дыру! Даже обсуждать не хочу.

Сам знаю, прозвучало по-детски, беспомощно, вдобавок и глупо. Можно подумать, у меня есть выбор.

Макс и бровью не повел. Отрезал кусок розового мяса, отправил в рот и принялся пережевывать. Овощи лежали на тарелке пестрой сиротливой кучкой, он к ним не притронулся.

Мы с Максом знакомы сто лет, еще со школы. Тогда, в те золотые (для кого-то) годы, все были уверены, что писателем станет именно Макс: сочинения на пятерки, язык подвешен, как надо, своеобразное чувство юмора, куча идей, умение рассказывать истории так, что заслушивались и учителя, и одноклассники.

Макс был шуплый, тощий очкарик, с кудрявыми, спутанными, торчавшими в разные стороны рыжими волосами, похожими на ржавые пружины, – идеальная мишень для дворовой шпаны, для классного буллинга. Однако его никогда не трогали и даже любили – за открытый нрав, готовность помочь (в том числе – дать списать), за истории, которые изливались из него бурным потоком: страшные, смешные, детективные, придуманные, увиденные, прочитанные.

Вдобавок и я, головная боль директора и классного руководителя, драчун и вечный двоечник, не давал Макса в обиду, если кто-то и делал попытку к нему прикопаться.

Последний школьный звонок прозвенел для нас почти двадцать лет назад, и с тех пор многое изменилось. Макс внешне теперь не просто не похож на себя прежнего – его будто выкрали и заменили полной противоположностью. Нынче он толстый, неповоротливый, абсолютно лысый и больше не носит очки, потому что сделал операцию и у него отличное зрение.

Истории Макс тоже не рассказывает – он их читает: долгое время работал редактором в издательстве «Фабула», где мечтают печататься все начинающие авторы, а не так давно открыл свое собственное издательство – «Максимум».

Писателем же стал я. Вот такая ирония.

– Ешь давай и не выделяйся, – сказал Макс. – И послушай, что тебе умный человек скажет.

– Зеркала нет, поэтому не вижу здесь умных, – вяло проворчал я.

Мы с ним обожаем пикироваться и подкалывать друг друга. Вернее, обожали. Теперь я вообще ничего не люблю, ничего не хочу и ни к чему не стремлюсь.

Говорят, это депрессия. Я не спорю.

Макс отложил вилку и промокнул губы салфеткой.

– Послушай, Ромыч, – проговорил он уже совершенно серьезно, и я сразу понял, что лучше мне и в самом деле его выслушать. – Ты одаренный человек, многообещающий автор. Но обещаешь уже слишком долго, это нехорошо. «Максимум» – коммерческий проект, мы должны зарабатывать, нас никто сверху не финансирует.

Я не перебивал, хотя ничего нового Макс пока не произнес. Мой школьный друг был первым, кто в меня поверил, когда я начал писать тексты. Он не смеялся надо мной и умудрился что-то во мне разглядеть – может, потому что внимательно вглядывался. Макс был моим редактором в «Фабуле», именно он убедил руководство издать мой роман и дать мне шанс проявить себя. Короче, я ему многим обязан. И когда Макс открыл свое издательство, я пошел за ним.

Мы оба думали, что преуспеем, были полны надежд, но преуспел только Макс. Со мной случилась беда – и с той поры я не могу войти в колею.

– Твои детективы стабильно продавались, у тебя есть имя и постоянные читатели. Как ты помнишь, мы запустили твою новую серию. Серию, Ромка! А это не менее двух книг в год – вот что ты обещал. А что в результате? А в результате ты меня подвел.

Это чистая правда. Я оптимистично задумал серию триллеров, хотел писать о профайлерах – модная тема, выходявшая тогда на пик популярности, и Макс немало вложил в рекламу, раскрутку проекта: он был уверен, что мои триллеры станут хорошо продаваться.

Вот только я написал лишь одну книгу. Неплохую, даже хорошую, читатели ждали продолжения серии. Но случилось то, что случилось.

Напрасно Макс и читатели рассчитывали на меня. Уже больше года я не могу выдать из себя ни строчки.

Автора, который перестал писать, забывают быстрее, чем певца или актера. Те хотя бы могут перепевать старые хиты или светить лицом. А что может писатель, у которого кончились слова?

Свято место пусто не бывает, поляну занимают более расторопные и продуктивные. То, что Макс продолжал верить и ждать, когда я закончу книгу (он не знает, что я ее даже не начинал), можно объяснить лишь его исключительной наивностью, ностальгией по школьным годам и трогательной верностью дружбе.

– Понимаю, Макс. Я скотина, неудачник и бездарь.

– Прекрати себя жалеть, – поморщился он. – Ты не такой человек. Да, оказался в сложной ситуации, но ты справишься. Просто нужно прекратить заикливаться. Принять: ты не изменишь того, что случилось.

Он наклонился ко мне через стол.

– Возьми себя в руки. Мы оба знаем, почему ты не можешь нормально работать: ты думаешь о ней каждую минуту, и это уже не любовь, а раненое самолюбие. Не спорь! Хватит, Ромыч, отпусти ситуацию! Полина ушла от тебя. Она тебя бросила – и ты не сможешь ничего с этим сделать. Она живет где-то, у нее есть другой, она счастлива, так будь мужиком, скажи себе: да пошла она, эта гадюка! Всю жизнь теперь коту под хвост из-за блудливой бабенки?

У меня перехватило дыхание, захотелось вмазать ему, но накатила слабость и тошнота. Не хватало, чтобы меня вывернуло наизнанку прямо за столом в ресторане! Я привстал, собираясь выйти, но Макс меня остановил:

– Не психуй! Ты знаешь, что я прав. Признай это – и вернись в строй.

Тошнота отступила. Вероятно, паническая атака – такое со мной периодически случалось.

Макс смотрел мне в глаза, держа за руку. Убедившись, что я успокоился, сделал глоток вина.

– Ромыч, я серьезно. Тебе нужно сменить обстановку. Пора оклематься и жить дальше. Короче, ты поедешь, напишешь эту заказуху, проветришь голову, заработаешь денег, а потом вернешься – и я запру тебя в квартире, чтобы ты засел за ноутбук и выдал мне шикарный, бомбический роман, который взорвет книжный рынок и вернет тебя в строй. Понял? – Он посмотрел на меня и вздохнул. – Иначе я тебя знать не желаю, носиться с тобой больше не буду. Можешь хоть дворником устроиться, хоть с крыши сигануть, мне все равно.

Я знал, что Макс прав. Денег у меня нет, кредитные карты почти пустые. Менять сферу деятельности нет ни сил, ни желания, а писательская карьера висит на волоске. Хочешь или нет, придется соглашаться.

Ответить я не успел, но Макс все понял по выражению моего лица и удовлетворенно кивнул.

– Вот и славно. – Он глянул на часы. – Обеденный перерыв закончился. Вернемся в офис, и я посвящу тебя в подробности.

Пару часов спустя я ехал домой. В голове была звонкая пустота, в душе – странное ощущение. Я чувствовал, что поступаю правильно, разумно, но в то же время думалось, что свершается нечто неотвратимое, то, что изменит мою жизнь навсегда. Согласен, формулировка банальная – особенно для писателя, но именно так мне казалось.

Макс купил билет на поезд до Екатеринбурга: отправиться в городок под названием Чернопадь мне предстояло уже завтра. Здесь сел – там вышел, никакой суеты и пересадок, на вокзале меня встретит сотрудник предприятия и отвезет в Чернопадь.

– Заказ жирный, платят отлично, – деловито говорил Макс, раскладывая передо мной документы. – В уральской глубинке, – так он деликатно отозвался о городишке среди гор и непроходимых лесов, – есть уникальное предприятие. Им заправляет бизнес-леди – правда крутая, без дураков. Маргарита Смолина, сорок два года. От мужа досталась хиреющая фабрика – а она взяла и превратила ее в градообразующее предприятие, так сказать. Производит косметическую продукцию – шампуни, кремы, лосьоны. Ну знаешь, экологическая чистота, это сейчас востребовано, природные ингредиенты, травки-муравки, природное омоложение, все дела. Выстроила производство и сбыт, систему продаж, дала работу горожанам, покупатели по всему Уралу в восторге. Бабки рекой. Теперь Маргарита планирует покорять российский и даже международный рынок. И тут мы подходим к сути. В рамках будущей рекламной кампании нужна книга о предприятии, о том, какие волшебные средства там производятся, о самой владелице. Написано должно быть живо, ярко – для потребителей и партнеров, для выставок и презентаций. И книгу эту напишем, подготовим к печати, издадим мы – «Максимум». Маргарита хочет, чтобы с ней работал профессиональный писатель: приехал, пожил, проникся атмосферой – и выдал шедевр. Помимо гонорара, обеспечивает проживание и питание. Твоя задача – побеседовать с ней, взять интервью у работников, вникнуть в рабочие процессы, словом,

собрать материал, начать писать, возможно, показать Смолиной первые главы или согласовать план. Продолжить сможешь дома. Срок – три месяца на всё про всё, включая написание книги. То есть в командировку ты едешь примерно недели на две. А дальше – согласование, подготовка к печати, типография, это уж моя забота.

Веселого и интересного в написании книги на заказ мало. Я представил себе капризную, высокомерную, убежденную в собственной гениальности тетку, которая будет поучать меня и критиковать мой стиль; представил скучные рассказы про производственные свершения, которые надо будет слушать с приторной улыбкой, и занюханный городишко, где мне придется провести две недели...

Но с другой стороны – уж лучше это, чем бесконечно тянущиеся дни, когда я сижу и тупо скролю ленты новостей или пытаюсь написать хоть строчку. Лучше, чем ночи, когда я не могу заснуть без снотворного или спиртного, мучаюсь, ворочаюсь, вспоминаю, а потом наконец проваливаюсь в сон, полный кошмаров, сожалений и горечи, и просыпаюсь с больной головой.

Макс прав – я должен разорвать этот круг, хотя бы попробовать. А смена обстановки и впрямь может пойти на пользу, не говоря уже о деньгах. Мне перечислили аванс, я смог восстановить кредитные лимиты на картах, даже и осталось прилично.

Припарковав машину, я зашел в магазин возле дома. Отвел глаза от полок со спиртным, купил пиццу в квадратной упаковке, кетчуп и апельсиновый сок. Холостятский ужин, один из сотен похожих ужинов с той поры, как я остался один. Полина хорошо готовила, но я, как водится, не ценил, не сознавал, пока не перешел на диету из замороженных продуктов, сосисок, пакетных супов и алкоголя.

Дома я щедро полил пиццу кетчупом, поставил разогреваться в микроволновку, налил сок в стакан и сел за ноутбук: надо глянуть, куда мне предстоит ехать. Квартира у меня двухкомнатная, после ухода Полины сплю на диване в гостиной, а спальню попытался превратить в кабинет: избавился от кровати, продал ее вместе с тумбочками и комодом, поставил письменный стол.

Однако за столом мне не сидится, не пишется, комната кажется пустой и убогой, каждый сантиметр напоминает о том, что я одинокий неудачник, который своими руками разломал собственную жизнь. Поэтому работать я пытаюсь, сидя за кухонным столом.

Микроволновка запищала, подавая сигнал, что пицца готова. Я ел ее, обжигаясь, запивая апельсиновым соком, и косился на монитор.

Городу Чернопади (господи, что за название) были посвящены три строчки в онлайн-энциклопедии, а все остальные упоминания об этом месте были связаны с компанией «Дивья», название которой часто писалось на английском – «Divya».

Я читал, листал страницы, пока не добрался до фотографий, на которых была запечатлена владелица. Так вот ты какая, Маргарита Смолина. Сам не знаю, кого я ожидал увидеть, но женщина, на которую я смотрел, производила сильное впечатление.

Гладкие, прямые длинные черные волосы, большие серые глаза, скулы фотомодели, чувственный рот. Маргарита смотрела прямо и чуть насмешливо, словно бы спрашивая: что, дескать, хороша?

Я долго вглядывался в красивое, холодное лицо, а потом закрыл ноутбук. Ощущение неотвратимости усилилось многократно, в душе росла непонятная тревога, и, если бы не договор и не аванс, который я уже успел раскидать по картам, закрывая долги, я бы, пожалуй, позвонил Максиму и отказался.

Но дело было сделано, и пути назад не просматривалось. Поэтому на следующий день я сел в поезд до Екатеринбурга и отправился в путь.

Глава вторая

С этим местом было что-то не так. Согласен, звучит как фраза из дешевого ужастика, и к тому же это максимально расплывчато. А как вообще бывает «так»?

Если вдуматься, все выглядит примерно следующим образом: ты находишься где-то – и тебе спокойно, по крайней мере, нормально. У тебя все может быть более или менее хорошо, это зависит от личных обстоятельств: есть деньги или нет, рядом близкие, любимые или противные чужаки, здоров ты или болен, дружелюбная среда или враждебная. Но атмосфера в целом воспринимается как обычная, город или поселок видится одним из сотен ему подобных – и уже лично *ты* либо вписываешься, либо нет.

Но с Чернопадью все было иначе. Я постараюсь объяснить, но не уверен, что получится. Мрачный нерв этого места чувствуешь шкурой, кожей; что-то проникает в тебя, в твою кровь и лимфу, стонет в твоих мышцах, тянет жилы, меняет обмен веществ – и ты перестаешь быть прежним.

Тягостную, замершую в некоем бессмысленном ожидании атмосферу загустевшего кислого страха не видно глазу, не слышно уху, ты не можешь потрогать ее или понюхать – но от этого она не становится менее осязаемой.

От самого названия веет безнадегой, упадком, чертовщиной. Оно, кстати, напрямую связано с географическим положением города. В слове «падь» слышится «падать» – и правильно слышится, потому что падь – это ложбина, овраг, глубокая долина, низина между сопками или горами. Как написано в словарях, низина эта часто бывает с болотцем или ручьем внизу.

А в данном случае вместо болотца был городок.

Думаю, здесь проживало тысяч десять или около того, жители были компактно расфасованы по пятиэтажкам, двухэтажным и частным домам. Застройка была тонким слоем размазана по дну пади, склоны лощины покрывал сурового вида нехоженный лес. В основном тут росли ели, были и редкие вкрапления лиственных деревьев. Уральское солнце, весьма скупое даже летом, не могло просветить плотно прижавшиеся друг к другу деревья и кусты, растопить насквозь промерзшую почву. В любое время года ельник выглядел угрюмым и черным – тот, кто дал название городу, не погрешил против истины.

Возможно, в конце весны или летом обстановка все-таки становилась чуть более жизне-радостной, но сейчас дело шло к концу сентября – куцые дни, длинные ночи, солнце все ниже и холоднее, небо затянуто тучами.

Березы и осины почти лишились нарядного убранства, редкие желтые и красные всплохи не расцвечивали окружающий мрак, а выглядели прощальным горестным вскриком уходящего лета, истерическим рыданием природы, готовой погрузиться в долгое, черное безмолвие.

Вся местность вокруг поселения на многие километры представляла собою горы, холмы, впадины, заросшие лесом, и при мысли о том, *что* могло таиться в этом бескрайнем море, на ум приходили мрачные легенды и уральские сказы – из числа самых зловещих.

Может, дремлет где-то там великий Полоз, хозяин золотоносных жил. Или стережет сокровища Малахитница, Горная матка, Каменная девка. Или смотрит немигающим взглядом со дна болота бабка Синюшка, которая может предстать перед одиноким путником то писаной красавицей, то мерзкой синей бабкой, – и испытает тебя на жадность, зная все твои тайные помыслы.

Нет, я не суеверен, мистика – от религии до фильмов ужасов – оставляет меня равнодушным, но поверьте, есть на свете места, которые пробуждают в душе подспудную тревогу, неловкость и беспокойство, и Чернопадь могла бы возглавить рейтинг подобных мест, если бы он существовал.

Итак, город лежал в глубокой впадине, и первая мысль, когда я оказался здесь, была вполне закономерной: попасть сюда было сложно, но выбраться будет еще сложнее. Как свалиться в черную дыру можно в одночасье, а выбираться наверх придется часами и не факт, что получится, так и в Чернопад ты приезжаешь и надеешься, что сумеешь выкарабкаться, подняться на поверхность. Что тебя отпустят.

Расположен городок был так, словно его основатели преследовали единственную цель: укрыться от остального мира, сделать все возможное, чтобы добраться сюда было как можно труднее.

Туристов сюда не заносило, приезжие были редкостью. Никаких красот, достопримечательностей, которые могли бы привлечь людей, и никаких особых удобств, чтобы заставить их остаться, в городе не имелось.

Изолированность Чернопади поразила меня, до мозга костей городского человека. Как в песенке поется, «не летят туда сегодня самолеты и не едут даже поезда» – и не только сегодня, а вообще – никогда. Добраться до городка из внешнего мира можно по одной-единственной дороге, на автомобиле или автобусе.

Как и обещали, меня встретили на вокзале, усадили в автомобиль и привезли в Чернопад. Предполагается, что таким же путем, только в обратном направлении, я и покину это богом забытое место, когда завершу свою работу. Если же мне вздумается уехать раньше, то нужно будет найти машину, человека, который согласится отвезти меня, либо сесть в автобус. Автобусы ходят несколько раз в неделю, не каждый день.

Когда я спросил у водителя, который меня вез, как живется в такой глухомани, он ответил, что в общем-то неплохо. Обычно живем, сказал, тихо. Жизнь катилась колесом, один день догонял другой, так и шло; работали, учились, женились и разводились, болели и выздоравливали, а когда уставали бороться с этой жизнью, перемещались на местное кладбище и ложились в промерзшую тяжелую землю. Это уже я добавляю, от себя, как вы понимаете, водитель не был склонен к философским рассуждениям. Он поведал, что в городке имелось все необходимое: две школы, почта, поликлиника, больница, магазины, кафе, парикмахерские, шиномонтажки и автомастерские.

Машина ехала по дну низины, и я заметил, что лесной массив видно практически с каждой точки, городок находился словно бы в окружении вражеской армии. Можно было сказать – под охраной, но на ум приходило именно недоброе, враждебное присутствие. Впрочем, не буду повторяться.

Здания были разные – побольше и поменьше, побогаче и поскромнее, из дерева и кирпича. Улицы и переулки, тротуары, небольшой скверик, рейсовый автобус номер два: видимо, имелся и номер один, а вот была ли работа и для номера три – вопрос. Как я позже узнал, не было.

Я предполагал, что офис «Дивьи» находится в центре города, но ошибся. Водитель в итоге привез меня на окраину города, где находилось и само предприятие, и офис, а также усадьба владелицы и небольшая гостиница, где мне выделили один из лучших номеров.

Мои вещи должны были доставить прямо туда, а самому мне было предписано сразу по приезде встретиться с руководительницей фабрики.

По правде сказать, детище Маргариты Смолиной меня поразило (замечу в скобках, как и она сама). Сам не знаю, на что я рассчитывал, фотографий в Сети было немного, и я их не особо рассматривал, поскольку не предполагал, что могу увидеть нечто стоящее, интересное. Пожалуй, считал, что это будет крошечная фабричка, а в итоге был удивлен стилем, подчеркнутой технологичностью, современными решениями.

– Не ожидали увидеть в нашем медвежьем углу? – горделиво спросил водитель, будто лично проектировал и строил предприятие.

– Не ожидал, – признался я.

Экопредприятие, как позиционировала себя «Дивья», было выстроено из стекла, металла, бетона и дерева и напоминало космический корабль, приземлившийся посреди таежной хтони. Здание имело три этажа; офис, куда меня препроводили, располагался на первом.

– Маргарита Максимовна сейчас вас примет, ожидайте, – сказала секретарша – миловидная, деловитая, не слишком молодая.

Наверное, боготворит начальницу, стремится ей угодить и всячески блюдет ее интересы. На меня она смотрела со смесью недоверия, снисходительности и пренебрежения. Да и ладно, мне с ней детей не крестить. Соберу материал и уеду.

– Вы можете войти, – разрешила она минут через пять.

Меня заставили ждать не слишком долго, но и не приняли сразу. Наверное, шефиня хотела, чтобы я проникся ситуацией, оценил масштаб, приготовился внимать.

Я вошел в кабинет – и меня ждало второе потрясение.

Нет, эта женщина определенно не нуждалась ни в каких костылях и хитроумных ухищрениях, чтобы заставить других воспринимать ее всерьез и внимательно слушать.

Вам достаточно было посмотреть на нее – и вы немедленно попадали под влияние, чувствовали невероятный магнетизм. Определенно, Маргарита была красива – гораздо привлекательнее, чем на фотографиях, ведь снимки статичны, они не могут передать блеска глаз, очарования мимики, кошачьего изящества движений.

Маргарите Смолиной было сорок два, я помнил это, прочтя ее биографию, и нельзя сказать, что она выглядела в два раза моложе. Да это и в целом иллюзия, смешная маркетинговая уловка, на которую попадают порой даже умные женщины, горделиво провозглашающие, что им никто не дает их лет.

Можно разгладить кожу до младенческой гладкости, подтянуть и перетянуть все, что можно, отшлифовать, нарастить, уменьшить, пересадить – и все равно всем ясно, что даме не двадцать или тридцать. Возраст читается во взгляде, в малейших нюансах, в повороте головы, в интонациях.

Вопрос в том, зачем его прятать, зачем стесняться? Нужно принимать свои годы с достоинством и благодарностью, любить себя и следить за собой – как, по всей видимости, делала Маргарита, оставаясь ослепительно красивой и притягательной.

Ей-богу, мне захотелось пересечь комнату, улечься у ее ног, и пусть бы она перебирала мои волосы тонкими холеными пальцами.

Вместо этого я улыбнулся и назвал свое имя. Маргарита поднялась из-за стола, пошла мне навстречу и сжала мою протянутую ладонь двумя руками. В этом жесте были доверительность, радушие и интимность, от которой у меня слегка закружилась голова. Маргарита была невысокого роста – едва доставала мне до плеча, смотрела на меня снизу вверх и выглядела при этом одновременно беззащитной и властной.

Черт, что происходит? Пяти минут не прошло – а я уже готов повизгивать от восторга, стоя рядом с этой женщиной.

– Рада видеть вас, Роман, – произнесла она мягким, глубоким, низковатым голосом. – Вы можете называть меня по имени, без отчества. Надеюсь, наше сотрудничество окажется приятным и продуктивным – к нашему обоюдному удовольствию.

– Уверен, так и будет, – сказал я, подумав, не слишком ли самонадеянно это прозвучало.

Маргарита усадила меня в кресло, велела секретарше принести нам кофе и минералку, устроилась напротив.

– Простите, я не читала ваших книг, – начала она, – уверена, они заслуживают внимания.

Надо было сказать в ответ что-то остроумное, но ничего подходящего не пришло в голову.

– Надеюсь, одну мою книгу вы точно прочтете, и она вам понравится, – сказал я, имея в виду будущую нетленку про фабрику.

Она милостиво улыбнулась.

– Кстати, почему «Дивья»? Так называется не только ваше предприятие, но и флагманский продукт – омолаживающий крем.

– Вижу, вы подготовились, – проговорила Маргарита. – Все просто, на самом деле. На Урале бытует легенда о дивьих людях. «Дивьи» значит необычные, чудесные, удивительные. Это немного перекликается с преданиями о маленьком народце, ушедшем под землю, о древних подземных жителях – чуди белоглазой, «старых людях» Бажова. Дивьи люди живут внутри гор, выходят наружу через пещеры, и обычный человек не может их увидеть. Они малы ростом, очень красивы и обладают прекрасными голосами, слышать которые могут лишь избранные. Когда я впервые узнала о дивьих людях, они меня заворожили. Это ведь скрытая цивилизация, древняя культура, их мир находится рядом с нами, буквально под ногами, но вход нам никогда не найти.

Я подумал, что нужно побольше почитать на эту тему и непременно использовать в книге – получится нестандартно и интересно. Смолина упомянула Бажова, и мне вспомнилась «Хозяйка Медной горы», этот мотив тоже можно обыграть.

– Вы, случаем, не представитель этого народа? – отвесил я неуклюжий комплимент, но Маргарите он понравился.

Она засмеялась и качнула головой.

– Хотелось бы мне узнать секреты и тайны дивьих людей, но увы. Я к числу избранных не принадлежу. Думаю, вам теперь понятен смысл названия. На самом деле, все на поверхности, но звучит напевно, загадочно и добавляет местный колорит.

Я хотел похвалить, сказать, что идея удачная, но Маргарита внезапно стерла улыбку с лица, отчего сразу стала выглядеть строгой и неприступной.

– Сегодня отдыхайте, осваивайтесь, Роман. Вас поселят в гостинице, предоставят трехразовое питание, если будут какие-либо вопросы или пожелания, дайте знать моему секретарю. Ее зовут Мария, она очень ответственна и аккуратна. С завтрашнего дня будут организованы экскурсии по предприятию. Вы узнаете о рабочем цикле, увидите своими глазами все производственные цепочки, познакомитесь с нашей продукцией и ключевыми сотрудниками. Все это должно найти отражение в книге. – Она помолчала. – Мы с вами еще обсудим структуру книги, когда вы соберете информацию, замечу лишь, что мне хотелось бы избежать казенного тона, как в старых советских газетах. Не нужно лести и нарочитых восхвалений, пишите от души, договорились?

Взгляд ее снова потеплел.

– Я уверена, вам у нас понравится и ваши эмоции будут искренними. И, конечно же, сможете лично убедиться в высочайшем качестве наших косметических средств. Без подарка не отпустим, я не сомневаюсь: вашей жене или подруге понравится наша продукция. У вас ведь есть супруга или девушка?

Почему она интересуется? Из вежливости? Провоцирует? Заигрывает?

– Нет, – ответил я, и прозвучало это резко и отрывисто. – Я одинок. Мы расстались около года назад.

Маргарита внимательно посмотрела на меня и тоном заботливой тетушки проговорила:

– Мне жаль, Роман. Но вы молоды, непременно устройте личную жизнь. Как говорится, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло.

Она поднялась, давая понять, что разговор окончен. Я тоже встал, и мы вместе пошли к двери.

– Чуть не забыла, – сказала Маргарита и протянула мне визитку. – Тут мой номер, звоните, если будут вопросы. На днях я хотела бы пригласить вас поужинать. Нам придется какое-то время работать вместе, нужно лучше узнать друг друга.

– Конечно. С радостью.

– Вот и отлично. Добро пожаловать в Чернопадъ.

Мне подумалось, что столь красивой и утонченной женщине нечего делать в этой дыре. Открыла фабрику – назначь управляющего и езжай блистать в столицу или, по крайней мере, в большой город.

Впрочем, в этом, по всей видимости, и состоит цель Смолиной, а моя задача – помочь сделать так, чтобы о ней узнали.

Покинув офис, я вышел из здания и направился к гостинице – небольшому зданию в два этажа из белого кирпича. Меня переполняли мысли и эмоции, пожалуй, я был рад, что оказался здесь.

Ближе к ночи мое мнение изменилось, но, как бы то ни было, изменить уже ничего было нельзя: Чернопадъ приняла меня в ядовитые объятия.

Глава третья

Предприятие мне показывала молодая женщина по имени Алиса. Юбка на ней была настолько узкая, что я не мог понять, как ей удастся переставлять ноги; говорила она высоким напряженным голосом и то и дело вставляла в речь слово «фактически»: «фактически вот здесь у нас находится...», «эту линию запустили фактически первой», «ингредиенты фактически были...»

Уже через полчаса от ее болтовни у меня стала болеть голова, а желание велеть ей заткнуться было настолько сильным, что приходилось сжимать челюсти.

Алиса таскала меня по фабрике, тыкала наманикюренным ноготком туда и сюда, открывала и закрывала двери, улыбалась и трясла рыжеватыми искусственными кудрями.

Она раздражала меня невероятно, но я понимал, что нахожусь на взводе не только из-за нее. Меня мучило то, что случилось вчера вечером, чему я не мог найти объяснения.

После аудиенции у королевы Марго я отправился на ужин. Кроме меня в гостиничном ресторане сидели еще три человека – быть может, командировочные, а может, кто-то из сотрудников «Дивьи». Салат был вкусный, зелень свежая, курица поджарена до ровной золотистой корочки, картофель не переварен – судя по всему, дело на предприятии было поставлено правильно на всех уровнях и во всех подразделениях.

После ужина я отправился в свой номер на втором этаже. Мои вещи должны были ждать меня там, я собирался распаковать чемодан, принять душ и лечь спать.

Но вместо этого произошла ситуация с книжкой и футболкой, которые непонятно откуда взялись и не пойми куда исчезли. Или, может, их не было изначально и быть не могло – мне все привиделось.

Голова пылала от боли, которая усиливалась ежеминутно; я почти не спал всю ночь – прилечь бы, принять лекарство и забыться сном, но вместо этого я был вынужден выслушивать дуру-Алису.

– Послушайте, у вас есть наглядный материал? Какие-то документы, статьи, может быть? Я же могу почитать обо всем самостоятельно, – не выдержал я.

Алиса надула губы и обиженно захлопала ресницами.

– Фактически моя задача – сопровождать вас, все показать и подробно рассказать. Маргарита Максимовна ясно выразилась на этот счет, поэтому...

– Хорошо, хорошо. Я всего лишь поинтересовался. Имел в виду, что материалы потребуются мне в дополнение к вашему рассказу.

– Ах, вы об этом. Конечно, не беспокойтесь, Роман, я предоставлю вам все необходимое. Фактически...

Она покатила дальше, застрекотала снова, и я послушно потащился за ней, уже не надеясь заставить замолчать. Лишь в два часа, когда наступил обеденный перерыв, она сжалась надомной и отпустила перекусить.

Аппетита у меня не было, но хотя бы посидеть за столиком в одиночестве – уже счастье. Алиса осталась в столовой в этом же здании, а меня ждали в гостиничном ресторане.

Войдя, я увидел вчерашнего парня. Он равнодушно скользнул по мне взглядом и вежливо поздоровался, сделав вид, что моя вчерашняя выходка была в порядке вещей.

Вяло ковыряясь вилкой в тарелке с мясной запеканкой, я смотрел в окно. Сизое небо припало брюхом к земле так низко, словно стремилось раздавить проклятый городишко. Начал накрапывать дождь.

Территория была обнесена забором, с того места, где я сидел, видны были ворота. Запертые.

А что если они не захотят меня выпускать? Я захочу выйти, а мне скажут, что не положено, распоряжений от Маргариты Максимовны на этот счет не поступало. Что я стану делать в таком случае?

Это чушь, само собой. Я свободный человек, волен приходить и уходить, когда захочу. Вот на ужин я хочу отправиться в город – и поеду, и никто меня не остановит.

Дав себе слово вечером уйти отсюда, прогуляться, я оставил на столе почти нетронутую тарелку и снова сдался на милость Алисы.

К вечеру я был еле жив. То ли от тарактеня Алисы, то ли от мыслей, которые не давали покоя со вчерашнего вечера, то от всего сразу. Алиса из всех сил пыталась убедить меня, что «Дивья» – безупречное предприятие, каждый цикл безукоризненно отлажен, работники идеальны, а продукция – волшебные эликсиры и таблетки.

Возможно, так оно и было, гладко и сладко, не подкопаешься, но если писать об этом именно так, как Алиса рассказывает, выйдет скучно и безлико. Кто станет это читать? Нужна хоть какая-то изюминка, зацепка, что-то яркое.

– Алиса, а откуда взялись рецепты – состав кремов и лосьонов? Вы все время о натуральных ингредиентах говорите, мне интересно, кто продумывал состав? Почему именно эти травы надо смешивать и в какой пропорции?

Она остановилась, похлопала глазами.

– Маргарита Максимовна, – ответила она в итоге. – Ее бабушка была известная знахарка из местных, больных от смерти спасала, с того света вытаскивала, а еще и сама дожила до ста лет и до старости была красавицей, так говорят. От нее остались записи, и Маргарита Максимовна, когда компанию основала, в основу продуктов положила бабушкины рецепты.

– Ого, как интересно, – сказал я. – Бабушка ее – ведьма, значит?

Алиса, видимо, немедленно решила, что ляпнула лишнего, смешалась и даже слегка покраснела. И хорошо: это хоть немного собьет с нее спесь.

– Какая еще ведьма? Я вам не говорила, я...

– Не воспринимайте так серьезно. Продолжим.

В общем, до самого вечера я погружался в тонкости управления и направления финансовых потоков, окончательно утвердившись в мысли пройтись по городу.

Я шел к гостинице, чтобы взять кое-что, принять лекарство от головной боли и предупредить, что не стану ужинать, а сотрудники «Дивьи» шагали в противоположном направлении: закончилась рабочая смена, люди спешили по домам.

Полно народу, можно было бы побеседовать с кем-нибудь из них – возможно, прозвучат интересные мысли, воспоминания, высказывания, это хоть как-то разнообразит Алисину унылую казенщину.

Мысль неплохая, вероятно, я так и поступлю, но только не сегодня. Я чувствовал себя больным и вымотанным, и, строго говоря, тащиться в город, блуждать в поисках подходящего кафе или ресторана не особо хотелось, но я уже дал себе слово и не хотел отступать от него.

Когда пришел в гостиницу, заглянул в ресторан, сказал женщине, которая протирала столы, чтоб для меня не накрывали.

– Это как же? На вас разнарядка есть, питание входит, – строго сказала она.

«Разнарядка», надо же. Как в армии.

– Сами поешьте. Я предупредить хотел, чтобы вы не беспокоились понапрасну.

Она мой порыв, судя по всему, не оценила, потому что бормотала мне в спину что-то явно нелицеприятное.

В номер я заходил с некоторой опаской – нет ли еще какого сюрприза? К счастью, все обошлось, и вскоре я уже направлялся в сторону проходной. Там уже было пусто – работники разошлись.

Я вышел за ворота; никто мне слова не сказал, ни о чем меня не спросил. Очутившись снаружи, осознал, что понятия не имею, куда направляюсь, да и машины у меня нет.

Бродить под дождем, который как начался днем, так и не прекратился до сих пор, лишь слегка поутих, было бредовой затеей, но что уж теперь.

Уже стемнело, и фонари провожали меня мутноватыми взглядами желтых глаз. Длинная улица, уводящая от «Дивьи», закончилась перекрестком. Справа и слева были короткие тупички, никаких заведений общепита, и я отправился дальше, пошел вперед и вскоре очутился в довольно оживленном месте. Здесь горели вывески «Парикмахерская», «Цветы», «Магазин 24 часа», имелся также небольшой скверик довольно облезлого вида и – о, счастье! – кафе «Уралочка».

Я незамедлительно толкнул дверь, вошел и очутился в тесноватом, но довольно уютном помещении: десяток столиков с ламинированными столешницами «под дерево», круглые светильники с матовыми плафонами, похожие на тыквы, большие окна, выкрашенные в бежевый цвет стены, на которых висели картины – не репродукции, а пейзажи, видимо, местного художника. В искусстве я разбираюсь слабо, оценить мастерство творца не смог, но понял, что изобразил он на полотнах родные места. Кажется, неплохо вышло, живо.

Справа от входа – подставка для зонтиков. На полу – практичный и немаркий линолеум коричневого цвета, призванный маскировать царапины и пятна, но плохо справляющийся со своей задачей.

В углу примостилась маленькая стойка-касса, рядом – кофемашина, витрина с выпечкой и мясной нарезкой, холодильник с напитками. Пахло жареным мясом и кофе. Слева возле двери стояла деревянная вешалка, около нее – дверь в туалет.

Просто и функционально. Надеюсь, что и вкусно. Только оказавшись в кафе, я почувствовал, что проголодался. Снял и повесил на вешалку куртку, прошел в зал.

Народу было мало, возможно, всех распугал дождь, а может, тут всегда не особолюдно. За одним столиком сидели мужчина и женщина, за другим – еще одна пара, помоложе, за третьим – двое мужчин, похожих друг на друга, как братья.

Все они, как по сигналу, подняли головы и принялись меня рассматривать.

– Добрый вечер, – сказала женщина лет сорока пяти с осветленными волосами и чересчур обильно накрашенными глазами, выходя из кухни, дверь в которую была за кассой. Судя по надписи на бейдже, ее звали Наташей. – Проходите вон туда, к окошечку.

Я послушался.

– Впервые у нас? Вы же не местный? – Она подошла ко мне и протянула меню в папочке из кожзама. – Покушать хотите?

– Ответ «да» на все три ваших вопроса, – улыбнулся я, стараясь выглядеть дружелюбнее. – Можно мне для начала кофе без молока, с сахаром. И я посмотрю, что возьму на ужин.

– Конечно. – Наташа убрала за ухо крашенный локон. – Но сразу скажу, рыбы нет. Только мясное сегодня. Кофе принесу. Не боитесь на ночь пить? Не заснете же потом.

Милая деревенская непосредственность.

Я уверил ее, что все же рискну, и Наташа наконец оставила меня в покое.

Меню было скромным, но если ты голоден – найдешь, что поесть. Я выбрал борщ, салат с капустой и котлету с пюре.

Официантка тем временем принесла кофе – очень неплохой. Понимаю, звучит высокомерно, но я правда не ожидал, что здесь его варят настолько хорошо. Настроение заметно улучшилось, я подумал, что смогу приходить сюда время от времени.

Наташа удалилась за стойку, люди в зале перестали на меня пялиться и уткнулись в тарелки.

Дверь открылась, и в кафе вошла еще одна посетительница. Как написали бы в романе, тогда я не знал, какую роль она сыграет в моей судьбе. Но я и правда не знал, а она и в самом деле сыграла.

Так бывает.

Глава четвертая

На девушке было кашемировое бежевое пальто, сапожки и берет. В руках она держала огромный зонт, на стиге локтя висела сумочка. Несмотря на то что вещи на ней были явно дорогие и современные, во всем облике чувствовалось нечто неуместно старомодное и хрупкое, будто она попала в Чернопадь прямиком откуда-нибудь из дореволюционного Петрограда.

Я подумал, что девушка выглядит в этом захолустье неуместно, словно попала сюда по ошибке. Хотя, пожалуй, «старомодное» – неверное слово, это была девушка на все времена. Я отвел глаза, сообразив, что слишком долго на нее смотрю. Впрочем, она этого не заметила: снимала пальто, пристраивала зонтик, не забыла бросить взгляд в зеркало.

Сняв пальто, девушка осталась в коричневом трикотажном платье, плотно обхватывающем ее стройную фигуру. Она была очень молода – не старше двадцати пяти – и хороша собой: нежные черты, большие оленьи глаза, темно-русые волосы.

– Сонечка, здравствуй, милая, – пропела Наташа. – Покушать пришла? Давай-давай, проходи.

Она повела рукой в сторону зала, и девушка – по всей видимости, София – машинально проследила за ее взмахом, повернула голову и увидела меня.

Что-то изменилось в ее лице, но я не понял, что. Девушка заняла столик наискосок от меня.

– Курочка сегодня жареная. Принести тебе?

Соня коротко отрицательно мотнула головой.

– Спасибо, Наташ, я только салат возьму. И какао с булочкой.

В этом «какао с булочкой» было что-то трогательное и немного детское.

Наташа неожиданно повернулась в мою сторону и произнесла:

– Видите, какие картины у нас? Это все Сонечка рисовала! Она наша местная знаменитость, всегда желанный гость!

– Наташа, что ты...

– А что? Неправда разве? Знаменитость и есть! Сонечка в прошлом году ездила в Екатеринбург, на конкурс, приз получила. И вот свои картинки нам подарила, для красоты! – простодушно сказала Наташа, и я был уверен, что слово «картинки» вряд ли пришлось художнице по вкусу.

Однако она не стала возражать.

– Вы очень талантливы, – обтекаемо сказал я, и Наташа удовлетворенно кивнула.

– Да, очень. Ладно, пойду на кухню скажу, проверю, как там ваш заказ.

Наташа ушла. Соня сидела спиной ко мне, уткнувшись в телефон, и я был уверен, что она чувствует себя смущенной. Мне, если честно, тоже было не по себе, словно от меня чего-то ждали, а я не мог понять, чего именно.

К счастью, снова появилась Наташа, принесла тарелки с едой для меня, потом – Сонин заказ, и мы занялись едой. Я уже успел расправиться с борщом – наваристым, красным (терпеть не могу, если борщ коричневатый, с переваренной свеклой), – и приступил к пюре с котлетой и салату.

– Дождь все никак не перестанет, – сказала Наташа.

Мужчины, похожие на братьев, подошли к стойке, чтобы с ней рассчитаться, и один из них сказал, что и завтра обещают дожди.

– Все, теперь уж так и будет, сначала дождь, потом снег, морозы. Темень одна, – вздохнула Наташа.

– У нас еще разве темень, – возразил один из условных братьев, постарше, – вон в Норвегии, говорят, зимой солнце вообще над горизонтом не поднимается, световой день такой короткий, что почти всегда темно. Народ прям не выдерживает, вешается.

Второй мужчина, который оплачивал счет, убрал кошелек и пошел к вешалке.

– Хорош болтать. У нас и без всякой Норвегии – хоть вешайся.

Выдав эту глубокомысленную фразу, он надел куртку и вышел. Товарищ последовал его примеру.

Я еще доедал свой ужин, когда Соня поднялась из-за стола.

– Спасибо, Наташа, сколько я должна?

Сейчас она уйдет. Я поймал себя на мысли, что не могу этого допустить. Мне не хотелось, чтобы она вот так встала и исчезла, и я больше никогда ее не увидел.

Я сказал себе, что мне попросту любопытно, откуда в Чернопади взялся этот эльф, воздушное хрупкое существо, почему она не уезжает в более подходящее место. Разве не все художники стремятся в столицу, к выставкам и галереям?

Соню я нагнал уже на улице. Поспешно рассчитался с Наташей и выбежал за Соней, поймав понимающий и слегка неодобрительный взгляд официантки.

Соня быстро шла по улице в сторону «Дивьи». Зонт в ее руках покачивался в такт шагам.

– Простите, – проговорил я, и она чуть вздрогнула. – Не хотел вас напугать, но нам, кажется, по пути. Мы только что виделись в «Уралочке».

Соня остановилась, поглядела на меня и улыбнулась.

– Помню. У меня не настолько плохая память. Вы промокнете без зонта.

Мы двинулись по улице, спрятавшись под ее зонтиком.

– Я не представился, меня зовут Роман. Приехал в город, чтобы...

Соня перебила меня:

– Роман? Роман Аверьянов? Я знаю, кто вы!

– Только не говорите, что читали мои книги.

– Читала, – ответила она. – «Пожнешь бурю». Мне понравилось. Но я не знала, как вы выглядите, поэтому не поняла, что вы – это вы.

– В каком смысле?

– Я знала, что она наняла писателя, чтобы расхвалил «Дивью», – в тоне девушки явственно звучала неприязнь, – но не знала, что это Роман Аверьянов. А может, знала и забыла. Я рассеянная. Теперь все встало на свои места.

– София, – начал я, но она снова перебила:

– Соня. Зовите меня Соней. Мне не нравится имя София. Оно пафосное, и этот звук «ф» меня раздражает.

Девушка определенно была необычная.

– Мне ни в коем случае не хочется вас раздражать, Соня.

Некоторое время мы шли молча, но неловкости в молчании не ощущалось. По всей видимости, Соня, несмотря на легкую эксцентричность, была из числа людей, в чьем обществе приятно и говорить, и молчать.

– Выходит, мы с вами живем где-то поблизости. – Я решил возобновить разговор. – Меня поселили в гостинице на территории предприятия.

Соня все еще молчала.

– Мне повезло, что мы идем в одну сторону, если бы не вы, я промок бы насквозь.

Звучало так, будто старый ловелас решил приударить за молоденькой дебютанткой. Пожалуй, мне стоило заткнуться. Тем более что я не собирался ухлестывать за Соней и вообще за кем бы то ни было. Не был никогда соблазнителем юных девиц и начинать не собирался.

Она вдруг нахмурилась.

– Вовсе не обязательно стараться меня развлечь приятной беседой. Я понимаю, общаться с такой, как я, – не такое уж большое удовольствие. Наташа слишком добра, но для большинства я изгой.

– О чем это вы? Красивая и талантливая девушка не может быть изгоем!

Соня хмыкнула.

– Про мой талант вам ничего не известно. Вы что, разбираетесь в живописи?

Я боялся ляпнуть лишнего, если она вдруг решит проверить мои знания в искусствоведении, поэтому осторожно проговорил:

– Не обязательно иметь высшее профессиональное образование, чтобы оценить произведение живописи. Мне понравились ваши работы – этого достаточно, по-моему, чтобы составить суждение.

– На том конкурсе я не получила ни одного из главных призов. Была дурацкая номинация – «Лучшая работа молодого художника», вот ее мне и присудили. То есть если бы я все то же написала, а мне было больше тридцати, то никто не отметил бы мои работы. Просто в крошечной песочнице остальные были еще хуже.

– По-моему, вы к себе слишком строги. И это признак настоящего творца.

– Ага, конечно. Это вы как творец говорите?

Прозвучало язвительно, и Соня немного смутилась.

– Простите. Набросилась на вас.

– Так с чего вы взяли, что изгой? Странное суждение.

Соня пожала плечами.

– Вы здесь недавно. Не понимаете, ничего не знаете. Но вам скоро объяснят.

– Может, лучше вы объясните? Хотелось бы услышать вашу версию.

Тем временем мы приближались к зданию «Дивьи». Соня решила меня проводить? Она снова умолкла, и я понял, что ей не хочется отвечать на мой вопрос. Тогда я задал новый.

– Вы идете туда же, куда и я. Решили показать мне дорогу? Или вам тоже понадобилось в «Дивью»?

Соня замедлила шаг и поглядела на меня.

– Я сначала решила, вы меня подкальываете. Что прекрасно знаете, кто я, но молчите. А теперь вижу, вы не врете. В самом деле не понимаете.

– И чего же я не понимаю, не знаю?

– Она моя мачеха, – выпалила Соня.

– Кто? – спросил я, хотя уже догадался.

– Маргарита. Наша королева Марго. Только не говорите, что вам не пришло в голову так ее назвать, хотя бы про себя. Все правильно, она владычица здешних мест.

В Интернете не было сведений о детях Маргариты Смолиной, там вообще ничего не нашлось о ее личной жизни: видно, подробности утаивали намеренно, ради сохранения приватности.

Я, конечно, растерялся: это было неожиданно.

– Вы сказали, Маргарита – ваша мачеха. А что же насчет отца?

Мы уже подошли к воротам. Дождь прекратился, и Соня выпустила мою руку, закрыла зонт.

– Папа давно умер. Нам было по десять лет.

– Нам?

– У меня была сестра, – отрывисто проговорила Соня. – Ее больше нет, и я не хочу сейчас об этом говорить.

– Простите.

Она смахнула слезу.

– Это вы простите. Всю дорогу трепала вам нервы, а под конец чуть не расплакалась. Вы решите, что я неуравновешенная истеричка – все так думают. Наверное, они правы.

В кафе Соня показалась мне немного застенчивой, молчаливой. Пока мы шли, я узнал, что она порой резковата, критично настроена и неуравновешена. Что еще мне предстоит о ней узнать?

Я подумал, что мне хотелось бы этого: Соня – настоящий ларчик с секретом, она была мне интересна. Как писателю. По крайней мере, так я объяснял себе свой интерес.

Нас пропустили внутрь, и мы прошли еще немного вместе, прежде чем Соня сказала, что ей пора: дом владелицы «Дивьи» располагался здесь же, но с другой стороны. Выходит, они жили там вдвоем – две женщины, одна из которых точно не испытывает к другой положительных эмоций.

Маргарита отвечает ей взаимностью? Тоже не выносит девочку, которую растила? Или Соня в действительности хорошо относится к мачехе, но они, возможно, поссорились?

Я собрался предложить ей обменяться телефонными номерами, но Соня оказалась расторопнее.

– Дадите мне телефон? Я запишу свой номер. Может, вам захочется поговорить со мной. Это место делает людей одинокими и уязвимыми.

Я охотно выполнил ее просьбу, она написала номер, внесла его в память моего телефона и сделала дозвон.

– Может быть, перейдем на ты? – предложил я, и Соня согласилась.

Не сочтя нужным попрощаться со мной, она вернула мне телефон и пошла к себе. Я некоторое время смотрел ей вслед, а потом спросил:

– Ты сказала, это место делает людей одинокими и уязвимыми. Почему?

Соня обернулась.

– А сам разве не чувствуешь? Здесь все проклято: лес, горы, фабрика эта чертова! Все переполнено злом и тьмой. Я хочу выбраться отсюда, но пока не могу. Не могу все бросить... – Она прикусила губу. – Не могу и все.

Я молчал, не зная, что ответить, и чувствовал смутную правдивость ее слов, ведь мне Чернопад тоже не понравилась.

Ничего больше не прибавив, Соня ушла.

Глава пятая

Разговор с Соней, выражаясь литературно, посеял еще большее смятение в моей душе. Ложась спать тем вечером, я гадал, что она имела в виду, когда говорила про тьму, зло и окружающий морок. Пока принимал душ, расправлял кровать и пытался прикинуть, какие вопросы стоит завтра задать Алисе, я старался понять, о чем говорила Соня, но информации было слишком мало.

Ни до чего не додумавшись, я отправился в постель.

Обычно мне нравится перед сном подойти к окну, посмотреть вдаль, я могу несколько минут просто стоять и смотреть на город, который живет и дышит у меня под ногами.

Так вышло, что я всегда жил на верхних этажах: родительская квартира была на восьмом, после их смерти я продал ее и, добавив денег, купил жилье на двенадцатом.

Здесь же меня будто швырнули о землю – и ладно бы из окна моего номера на втором этаже было видно море, например, или хотя бы озеро, речку, оживленную улицу. Что угодно сошло бы, только не унылое плоское пространство, претендующее на звание газона, по краю которого тянулся забор, огораживающий территорию «Дивьи».

А хуже всего был лес за этим забором.

Я уже описывал его, мрачный черно-зеленый хвойный массив вгонял меня в тоску и внушал тревожные мысли. Стоять и смотреть в эту непроглядную темень вечерами – удовольствие ниже среднего. Поэтому, ложась спать, окна я зашторивал.

Точно знал это!

Каково же было мое удивление, когда я проснулся среди ночи и увидел голое окошко, сквозь которое на меня бесстыдно пялилась лимонно-желтая луна, вокруг которой плавали рваные облака, похожие на грязную марлю.

Я нашарил ногами тапочки и встал, собираясь прикрыть этот небесный срам, гадая, могли бродить во сне и в этом сомнамбулическом состоянии раздвинуть занавески, подошел к окну и увидел ее.

Женщина стояла на отдалении, возле забора – не то пришла из леса, не то собиралась уйти в лес. Во всей ее фигуре была странная неподвижность: руки свешивались вдоль тела, как у тряпичной куклы, плечи опущены, тело застыло, голова чуть склонена к плечу. Непокрытая голова, длинное платье, похожее на ночную рубашку, – неужели ей не холодно? В белесом лунном свете разглядеть лица женщины я не мог, не понимал, кто она, знакома ли мне.

И что-то говорило мне, что да, знакома. Может, это Соня?

Невозможно понять, слишком далеко, слишком темно.

Ясно одно – незнакомка меня пугала. То, как она стояла там, ее поза, сам факт появления – все было ненормально. Мне чудилось, что женщина смотрела прямо на меня, хотя точно не могла увидеть, и это пугало настолько, что я отпрянул от окна и зажмурился.

Сердце колотилось с такой силой, что каждый удар отдавался болью в горле. Я уговаривал себя успокоиться, сделать то, зачем встал с кровати, – задернуть занавески, а после вернуться в постель, лечь, заснуть и проснуться с мыслью, что видел дурной сон.

Да и что такого – женщина и женщина, стоит себе и стоит! Я открыл глаза и схватился за штору, стараясь не смотреть за окно, но когда все же на короткий миг глянул...

Ее лицо было прижато к стеклу. Черные волосы свешивались на лоб, рот открыт в безумном крике. Я отскочил назад, потянув за собой занавеску, срывая ее, а в следующее мгновение обнаружил себя лежащим в кровати.

Сон, господи, всего лишь сон, а электронные часы показывали без пяти семь, скоро сработает будильник. Уже светало, дождя не было, и это радовало.

Стоп. Почему я вижу край неба и облака? Я задергивал шторы, сто процентов! Мне приснился сон, что они были раскрыты, но ведь это был лишь сон, так? Похоже, не так – и дело не только в занавесках, но и в моих домашних тапочках, которые стояли возле окна, вместо того чтобы ждать меня возле кровати.

То есть я вправду вставал ночью? И, может, сам открыл шторы, а мозг выдумал все остальное, в том числе ночную гостью? Наверное, подобным образом и сходят с ума, гадая, что реально, а что нет, подумалось мне, и с этой мыслью я вступил в новый день.

Спустился вниз, готовясь позавтракать и затем встретиться с Алисой, которая будет ждать меня через сорок минут (как только что написала в сообщении), и увидел в обеденном зале Соню.

Она сидела за столом и пила кофе, перед ней стояла тарелка с блинчиками, политыми медом, но к ним она не притронулась.

– Привет, – сказал я. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

Соня посмотрела на меня, будто не узнавая. Выглядела она, признаться, неважно: бледная, под глазами – синева, волосы собраны в хвост, перехвачены резинкой.

– Плохо спала? – сделал я новый заход, поскольку Соня, по всей видимости, не собиралась мне отвечать.

Наконец она словно бы очнулась, заметила меня.

– Извини. Я... Полнолуние, – проговорила Соня, будто это все объясняло.

– Можно присесть?

– Я уже ухожу.

В доказательство своих слов она поднялась из-за стола. Что с ней такое?

– Соня, ты плохо себя чувствуешь? Что-то случилось?

Она поморщилась.

– В полнолуние хуже всего. Ты знал, что при полной луне ведьмы набирают силу? Я боюсь там оставаться в такие ночи, почти не сплю.

«Не ты ли была ночью во дворе?» – промелькнуло в голове.

– Сажу за запертой дверью, молюсь, как умею, – продолжала Соня. – У меня есть обереги и... Справляюсь. Но есть и пить там опасно, я этого не делаю, ем только то, что готовлю сама из своих продуктов, не выпускаю чашку из вида, чтобы в нее ничего не подлили. Пользуюсь своей посудой. Обычно этого хватает, но только не в полнолуние. В такие дни я завтракаю здесь.

Сказать, что я был шокирован, – это все равно что промолчать. Соня, похоже, не в себе. Сегодня она говорила и вела себя не так, как вчера. В ней чувствовался страх, надрыв.

– Если я правильно тебя понимаю, ты имеешь в виду, что твоя мачеха – ведьма?

Соня посмотрела на меня.

– Думаешь, я сумасшедшая? Ты не одинок, так многие думают. Но я точно знаю: Маргарита колдует против меня. Я стараюсь бороться, но... – На глазах ее выступили слезы. – Рано или поздно эта тварь уничтожит меня, как убила мою сестру.

Произнеся это, Соня взяла свою куртку и ушла. Я не успел ее остановить и не был уверен, что хочу этого.

– Бедняга, – услышал я, обернулся и увидел уборщицу, женщину лет тридцати пяти в форменном халате, с ведром и шваброй в руках.

– Такая молодая – и совсем чокнутая.

К нам спешила работница ресторана с подносом – та самая, которая вчера осуждала меня за нежелание ужинать. Сегодня на груди у нее болтался бейдж, и я узнал, что ее зовут Юлией.

– Доброе утро, – это мне. – Ты бы помолчала, за языком следи, – это уборщице.

– А мне чего следить? Я что вижу, то и говорю. Что мне сделается? Последний месяц тут тряпкой машу.

Она ушла, а Юлия, расставляя тарелки, сердито покосилась ей вслед.

– Алкашка. Уволили ее, вот и бесится, болтает от злости.

– Но Соня вправду говорила странные вещи, – осторожно заметил я, надеясь выудить у Юлии какие-нибудь сведения.

– У всех свои странности, – парировала та, желая, видимо, сохранить и лояльность, и рабочее место. – Простите, мне некогда. Приятного аппетита. Если что-то нужно, зовите.

У Алисы, в обществе которой я снова провел день, спрашивать ни о чем не стал. Не хотелось выглядеть сплетником, перебивать косточки своей работодательнице и ее семье. Да и потом, возможно, Алиса докладывает Маргарите, о чем мы говорим, как я себя веду, и мои вопросы могут подставить Соню.

Словом, промолчал. Но из головы слова Сони не шли. Кто она – городская сумасшедшая или...

Или Маргарита – ведьма? Даже не смешно.

Обедали мы с Алисой, как и вчера, по отдельности, и я был рад возможности отдохнуть от нее. А когда шел обратно в офис «Дивьи», телефон зазвонил.

– Добрый день, Роман. Это Мария.

Я не сразу сообразил, что за Мария, а потом до меня дошло, что это секретарь Маргариты.

– Здравствуйте.

– Маргарита Максимовна просила передать, что сегодня в девятнадцать часов ожидает вас на ужин.

«Ожидает». Боже мой.

– Прибыть во фраке? – спросил я.

– Вас что-то не устраивает? Вы отказываетесь? – немедленно ошетибилась Мария.

– Полноте, – проговорил я. – Просто неудачно пошутил. Разумеется, я приду. Большое спасибо.

Собственно, это было не приглашение, а приказ, но я не стал усугублять.

Остаток дня я, признаться, был рассеян, чем вызвал некоторое раздражение Алисы. Когда она, нагрузив меня папками, брошюрами и прочим барахлом, объявила, что на сегодня это все, я был рад и несколько взволнован: ужин уже через час.

Фрака у меня, разумеется, не было, как не было и костюма. Я не ожидал, что меня могут пригласить на светский раут. Гардероб был довольно скромный, посему придется королеве Марго лицеизреть меня в джинсах и свитере грубой вязки с глухим воротом. Втайне я полагал, что в этом одеянии напоминаю Хэмингуэя.

Собравшись, я двинулся в сторону дома Смолиной, задавшись вопросом, будет ли на ужине Соня. Стоило подумать о ней, как Соня объявилась – позвонила.

– Гадюка пригласила тебя на ужин, так ведь? – быстро, безо всяких предисловий перешла она к сути.

– Как раз иду к вам домой, – ответил я.

– «К нам»? Это не мой дом! Это тюрьма, из которой мне не вырваться, – горестно проговорила Соня. – Рома, не ходи, не надо.

– Почему? Разве тебя там не будет?

– Меня не звали, – сказала Соня. – Мы почти не общаемся – и слава богу. Но и тебе не стоит!

– Я не могу отказаться, ты не понимаешь. Она платит деньги, я пишу книгу. Как, по-твоему, я...

– Хорошо, – перебила она, – но хотя бы не ешь ничего!

Я промолчал, и она в отчаянии выкрикнула:

– По крайней мере, постарайся ничего не брать у нее из рук! Рома, я знаю, ты мне не веришь, думаешь, я ненормальная! Но ты поймешь! Это опасно! Маргарита – опасная жен-

щина, она... – Соня умолкла, а потом договорила хрупким голосом: – страшный человек. Я не могу допустить, чтобы ведьма погубила тебя.

Ее слова не могли меня не тронуть. Эта девушка – порывистая, искренняя и, по-видимому, несчастная, но не сломленная, пыталась, как ей казалось, защитить меня. И даже если никакой опасности не было, а были лишь ее фантазии, все равно это не могло не пробудить во мне доброго чувства к Соне.

– Спасибо, – сказал я, – обещаю быть осторожным. Мы можем увидеться? Скажем, завтра? И ты расскажешь мне подробнее, что тебя пугает. Может, я сумею помочь.

Она легонько вздохнула.

– Я думала, ты станешь от меня шарахаться. Кому охота связываться с психичкой.

– Не говори глупостей. Я позвоню завтра, хорошо?

Мы договорились созвониться, а я тем временем подошел к дому Смолиных.

Необычная идея – жить на той же территории, где находится твое предприятие. Что это – желание все контролировать? Демонстрация того, что руководство находится в центре событий? Попытка подчеркнуть, что предприятие экологически настолько безопасное, что рядом с ним можно жить без всяких опасений за здоровье? Наверное, и то, и другое, и третье.

А дом, кстати, был хорош: без показного шика, без ярмарочного «дорого-богато». Он представлял собою одноэтажное здание с большими окнами, внутри – современная отделка, стильная мебель, гармония в деталях, без навязчивого желания произвести впечатление. Была продумана каждая мелочь, при этом не создавалось ощущения искусственности, холода, того, что находишься в выставочном зале или салоне интерьеров, где любое кресло или светильник поставлены не для удобства, а для демонстрации изысканного вкуса и полета дизайнерской мысли.

Дверь мне открыла пожилая женщина по имени Анастасия, представившаяся помощницей по хозяйству. Она провела меня в гостиную, предложила присесть, пообещала, что Маргарита Максимовна сейчас подойдет.

Вскоре она и в самом деле пришла – и, по правде сказать, я забыл о предостережениях Сони. Думаю, в присутствии этой женщины людям вообще сложно было делать что-либо, кроме как внимать ей, полностью сконцентрировавшись на ее манерах, голосе, улыбке, словах.

В определенном смысле Соня права: Маргарита была истинной ведьмой.

Глава шестая

Кроме меня и хозяйки дома на ужине присутствовали еще двое мужчин: коммерческий директор «Дивьи» Игорь Кузнецов и заведующий производством Владимир Борисов.

Я решил было, что она позвала этих двоих, для того чтобы не оставаться со мной наедине, ради соблюдения неких приличий, чтобы не давать пищу ненужным разговорам, но ошибся.

– Раз в две недели мы собираемся поужинать, – пояснила Маргарита. – В неформальной обстановке часто рождаются интересные идеи, есть возможность спокойно обсудить то, о чем не хватает времени поговорить на работе. Обычно к нам присоединяется наш финансовый гений и главный бухгалтер Лариса Сергеевна, но она приболела и сейчас в Екатеринбурге, на обследовании.

Маргарита чуть нахмурилась, и ее коллеги немедленно нахмурили брови и потупились, демонстрируя, что тоже переживают. Или правда переживали.

Еда была хороша, вино – тоже, но сам ужин неимоверно скучный – обсуждали вопросы, до которых мне не было дела, хотя, вероятно, хозяйка считала, что это поможет мне в написании книги. Да и сам факт ужинов раз в две недели в обществе коллег тоже должен был стать штрихом к портрету. Я вежливо улыбался, старался поддерживать беседу и терпеливо дожидался окончания мероприятия.

Маргарита была одета в трикотажное платье жемчужного цвета, на шее висел кулон с большим прозрачным камнем, волосы уложены высоко и забраны затейливым гребнем. Я попытался взглянуть на нее Сониными глазами – увидеть хрестоматийную злую мачеху, но у меня не получалось. Передо мной была фантастически привлекательная, уверенная в себе женщина – и только. Как будто этого мало!

Кстати, гости ели с аппетитом, не выказывая боязни – как делали это постоянно, полагаю. Им ничего не угрожало, мне тоже. Соня все-таки преувеличивает или заблуждается.

Примерно через два часа мужчины поднялись и стали прощаться. Я подумал, что пришла пора и мне откланяться, однако Маргарита попросила меня задержаться, как она выразилась, для небольшого интервью.

Не уточнив, впрочем, кто кого будет интервьюировать.

– Хотите кофе с коньяком? – спросила она, едва за Игорем и Борисом закрылась дверь. – Анастасия ушла, ее рабочий день окончен, однако кофе я сварить способна и сама.

– Могу я попросить просто коньяк? Без кофе?

Она улыбнулась.

– Разумеется.

Спустя пару минут мы сидели в гостиной, устроившись в креслах друг напротив друга с пузатыми бокалами в руках. Себе Маргарита кофе тоже варить не стала.

– Мне интересно, как становятся писателями? Вы мечтали об этом с детства?

Я не люблю подобных вопросов. Что бы ни ответил, прозвучит напыщенно и вместе с тем нелепо – по крайней мере, мне так кажется. В таких случаях я прикрываюсь фразой о том, что мне всегда нравилось рассказывать истории. Это ложь. Кому нравилось, так это Макс, но как раз он писателем и не стал.

Выдав заготовленную чушь, я посмотрел на Маргариту поверх бокала. Поверила она или нет, не понять. Скорее всего, ей просто все равно.

– А я, представьте, мечтала стать женой и матерью. И вышла замуж, вот только выяснилось, что детей у меня быть не может. Поэтому я была счастлива, что у моего мужа есть дети от первого брака.

Она пристально посмотрела на меня.

– Вам уже известна эта печальная история, верно? И наверняка у вас много вопросов. Можете задать их мне.

– Да, слышал кое-что. У вас были две падчерицы?

Маргарита усмехнулась.

– Соня уже доложила вам, что я ведьма? Прямо-таки сказочный сюжет.

Значит, она знает, что мы встречались. Впрочем, ничего удивительного, город маленький, Маргарита – центральная персона, всюду глаза и уши.

– Она и впрямь не очень-то тепло к вам относится, – дипломатично ответил я.

Маргарита засмеялась.

– Ничего себе выраженьице!

– Почему вы не позвали ее сегодня на ужин? – спросил я.

– Позвала. – Маргарита сделала глоток. – Я стараюсь наладить с ней отношения, но...

Когда они были маленькими, мы очень любили друг друга. Разумеется, я официально удочерила Соню и Симу. Мой муж, их отец, умер, когда им было десять. У девочек осталась лишь я... Мы втроем во всем огромном мире. – Голос Маргариты дрогнул, глаза наполнились слезами. – Они были такие милые и такие разные, несмотря на полное внешнее сходство.

А вот это интересно.

– Они были близнецами?

Маргарита кивнула.

– Как горошины в стручке, как две капли воды. А по характеру – невозможно представить себе двух более непохожих людей. Сима, Серафима, была девочка-праздник. Общительная, смелая, напористая. – Маргарита улыбнулась своим воспоминаниям. – Всегда добивалась, чего хотела. Вы просто не могли ей отказать, даже если она выводила вас из себя. Столько обаяния, внутренней силы, яркости.

– Мне кажется, Сима была вашей любимицей, – проговорил я.

Как знать, не в этом ли причина неприязни Сони?

– Нет, вы не правы, – покачала головой Маргарита. – Мне всегда хотелось защитить Соню, укрыть от всех ветров. Она прекрасная девочка, вы поймете. Робкая, ранимая, тонкая. Сима – как пламя костра, а Соня – как свеча. Она обожала сестру, по пятам за ней ходила. И Сима без нее не могла. Говорят, что у близнецов особая связь, – не врут. Когда Симы не стало, я была убита горем, раздавлена. Но я смогла справиться, продолжила жить, а Соня...

Маргарита поставила бокал на столик, помассировала виски.

– Она не смогла пережить смерть сестры. Это ее сломало. Я думаю, вместе с Симой навеки ушла часть ее души. Свеча погасла. Кроме того... Мне трудно говорить об этом, но Сонины психика всегда была хрупкой, нестабильной. Ночные кошмары, сомнамбулизм, депрессивные эпизоды. Она наблюдалась у психолога, а позже – у психиатра. После попытки суицида.

– Соня пыталась покончить с собой?

– После смерти сестры. Таблеток наглоталась.

Я слушал с некоторым недоумением. Не совсем понятно, зачем Маргарита говорит об этом мне, малознакомому человеку. Хочет излить душу? Или представить Соню не вполне вменяемой?

– Как умерла Сима? – спросил я. – Это был несчастный случай?

Маргарита отрицательно покачала головой.

– Нет. Сима заболела. Поначалу мы ничего не могли понять: у нее вдруг появилась слабость, она похудела, стала падать в обмороки, давление было низким. Симу обследовали и в итоге поставили диагноз: болезнь Аддисона. Это редкое заболевание, при котором организм не вырабатывает достаточно гормонов надпочечников. Врачи говорили, что может быть семейная предрасположенность к аутоиммунной болезни Аддисона, и мы боялись, что заболевание проявится и у Сони. К счастью, Соня была здорова. Но Сима...

– Ее лечили? Эту болезнь можно было как-то лечить? – спросил я.

– Разумеется. Ей назначили пожизненную заместительную гормональную терапию, и Симе стало заметно лучше. Я утешала себя: с этим диагнозом можно жить, главное – нормально лечиться. Однако врачи объяснили, что при Аддисоне может развиваться опаснейшее осложнение – надпочечниковый криз: резкая слабость, внезапное падение давления, рвота, обезвоживание. Когда он случился в первый раз, Симу спасли. Но второго криза, который был гораздо тяжелее, бедная девочка не пережила. Врачи старались, но не смогли ничего сделать. Серафиме было восемнадцать и... – Маргарита порывисто вздохнула. – Скоро девочки должны были окончить школу. У Серафимы было столько планов! Она собиралась поступать в университет, мечтала стать журналисткой. Я хотела, чтобы Сима стала лицом нашей новой линии косметики, уже были запланированы съемки. Ничего не сбылось, все рухнуло. Сима не стало, Соня слетела с катушек и вдобавок винит меня в смерти сестры. Я не могу разубедить ее, а ведь это лишено всякой логики! Зачем мне было это делать? Мало того, что Сима была моей дочерью, я любила ее, так еще у нас были совместные проекты. Но Соне ничего не докажешь. Я перестала пытаться. Она отказывается говорить со мной, несет чушь про полнолуние, твердит, что я хочу ее отравить, поэтому не ест дома, а при полной луне даже и не пьет.

Обхватив себя руками, словно ей было холодно, Маргарита встала с кресла, прошла по комнате.

Я тоже встал, оставив почти нетронутый бокал в сторону.

– Почему Соня не уедет? Она давно совершеннолетняя, может жить, где захочет.

– Ей двадцать два, – подтвердила Маргарита. – После смерти сестры она так и не смогла покинуть Чернопадъ. Живет в этом доме.

Кружа по комнате, Маргарита остановилась рядом со мной.

– Она ненавидит меня, винит во всех смертных грехах, наверное, это не дает ей уехать. – Маргарита приблизилась почти вплотную. – Вот как бывает: порой ненависть способна связывать людей крепче любви. Это печально.

Я видел совсем рядом ее красивое лицо, глаза, в которых с радостью утонул бы любой мужчина. Голова закружилась – и вовсе не из-за выпитого за ужином. Я понимал, что не стоит делать этого, но слаб человек.

Когда мы поцеловались, у меня возникло чувство, что я лечу со скалы. Уши заложило, я ослеп и оглох, кровь взрывалась в венах и полыхала жидким огнем. Маргарита обняла меня, прижалась; казалось, ее тело впитывает меня, вбирает, растворяя в себе, и сопротивляться этому было невозможно.

Входная дверь захлопнулась с грохотом, и мы отскочили друг от друга.

Соня прошла по коридору и вошла в гостиную.

– О, вы здесь, – произнесла она, и у меня возникло чувство, что Соня отлично понимает, что произошло между мной и ее мачехой.

Должно быть, мы выглядели как нашкодившие дошколята, трудно было не понять. Соня какое-то время смотрела на меня пылающим взглядом, а потом рассмеялась злым смехом и вышла.

Очарование момента рассеялось. Маргарита поправила прическу, хотя в этом не было необходимости, я еще не успел растрепать ее волосы (видит бог, мне этого хотелось).

– Сейчас ты скажешь, это было недопустимо, – проговорил я, перейдя на «ты», потому что выкать в подобной ситуации смешно.

– Не скажу, – возразила она. – Я хотела этого. Хотела тебя.

Во взгляде ее читался вызов, и это умерило мой пыл, честно говоря. У нее был в тот момент вид не женщины, которая готова отдаться мужчине, а Жанны д'Арк, восходящей на костер.

Я не мог разгадать ее, не мог понять, чего она на самом деле желает, кто я для нее, что она за человек – хищница и манипулятор или жертва навета?

– Пожалуй, мне пора.

Маргарита нежно прикоснулась ко мне.

– Я пугаю тебя? – прошептала она. – Должно быть, да. Я много лет была одна, ни с кем не встречалась. После смерти мужа у меня не было ни друга, ни любовника. Знаешь, работа, дочери, бесконечная гонка за успехом, то одна проблема, то другая – и все их приходится решать самой, надеяться не на кого. Я не ходила на свидания и совсем разучилась вести себя с мужчиной, который мне нравится. Даже не спросила, есть ли у тебя кто-то.

– Ты невероятная. И ты не пугаешь меня, аводишь с ума – так точнее.

Она улыбнулась.

– И нет, у меня никого нет.

– Попробуем еще раз? – предложила она. – Не сейчас, позже?

Конечно же, я был согласен. Мы договорились созвониться и встретиться. Оба были свободны, но понимали, что афишировать зарождающиеся отношения не стоит. Я не мог взять и прийти сюда – это сразу стало бы достоянием общественности. И пойти вместе куда-то в Чернопади, оставшись незамеченными, тоже было невозможно.

И все же я был уверен, что решение найдется.

«Как отреагирует Соня?» – спросил я себя, чувствуя смущение.

Соня была мне никем, мы едва знакомы, но у меня складывалось ощущение, что я предаю ее, подвожу.

После целого года отшельничества, одиночества в моей жизни возникли сразу две женщины, и я разрывался между ними. А если принять во внимание, что они падчерица и мачеха, вдобавок одна ненавидит другую...

Эти жернова могли перемолоть меня в муку, и, очевидно, умнее всего было бы сделать то, зачем приехал, выполнить свою работу и убраться восвояси, не ввязываясь ни во что, но я сознавал, что уже слишком поздно. Я находился в центре бурного потока – и меня влекло куда-то помимо моей воли.

Глава седьмая

Когда я был на подходе к гостинице, мне пришло в голову взглянуть на окна своего номера. Я так и не ответил себе на вопрос, стояла ли прошлой ночью напротив моего окна незнакомка, но мне стало интересно, что именно увидел бы человек, стоящий на том месте.

Уже обходя здание, я подумал, что мысль глупая, ведь окна темные, я вряд ли что-то разгляжу. Хотел повернуть обратно, но увидел, что в моем номере горит свет.

Воры? Администрация? Нет, администрация не имеет права заходить в номера гостей без разрешения, а воры, наверное, не стали бы включать светильники, воспользовались фонариками.

Что делать? Бежать за охранниками? Вызвать полицию?

Вместо этого я продолжил путь, оказавшись практически на том месте, где вчера (возможно) стояла женщина – это была самая удобная точка, с которой видно было происходящее в спальне.

«Не может быть», – подумал я.

Стандартная, избитая фраза, которую произносят на все лады герои фильмов в жанре хоррор и романов ужасов.

Но что поделать, если этого и впрямь не могло быть!

Шторы не были задернуты. Возле окна стоял человек. Мужчина.

Мне понадобилось пару секунд, чтобы понять: это я сам!

В позе чувствовалось напряжение, словно он (я!) боялся повернуть голову в сторону окна, чувствуя, что из темноты кто-то смотрит.

Мне стало страшно: сейчас та версия меня повернется – и увидит себя. Мысль о том, что мы вот-вот встретимся взглядами, была ужасна, невыносима.

Я схожу с ума – как еще объяснить происходящее? Господи, когда это началось, почему? Где я настоящий – там, в номере, или тут, во дворе, возле темного леса, гудевшего в двух шагах?

Чертов городишко! Я увязал в нем, как муха в варенье, приклеивался, постепенно вписывался в ритм, знакомился с обитателями, даже в любовные отношения умудрился встрять, и вот уже мне кажется, что весь мир – это та же Чернопадь, только больше размером, и не надо мне никуда, а надо...

К моему двойнику подошла женщина. Я смотрел на нее, видел, узнавал, но...

Но не мог сказать, кто она. Кошмарное ощущение, будто мне мало было всего остального. Бывает, смотришь фильм, знаешь актера, но не можешь вспомнить его имени, это раздражает и бесит. То, что я испытывал сейчас, было во сто крат сильнее.

Женщина была близко-близко, она обвила другого меня руками, приникла всем телом, поцеловала. Голову прострелила боль, перед глазами почернело. Воздух стал тяжелее: трудно сделать вдох, трудно поднять глаза. Я понял, что упаду сейчас, взмахнул руками, силясь найти опору.

– Эй, вы чего? Чем там занимаетесь?

Шаги. Кто-то подбежал ко мне, тронул за плечо.

– Вам плохо, что ли? – Он подхватил меня под локоть, полагая, что я могу упасть.

Присутствие человека – обычного, нормального – привело меня в чувство. Я с трудом разлепил веки. Дурнота стала проходить, я сумел сделать вдох. Посмотрел на подошедшего и узнал в нем служащего, который приходил ко мне в номер, когда я сказал, что обнаружил чужие вещи.

Ну все, теперь он окончательно уверится, что я полный псих.

– Все в порядке, – сказал я. – Был на ужине у Маргариты Максимовны, решил пройтись немного. Голова закружилась.

Я подумал, парень сейчас глянет на мое окно и увидит там меня. Какова будет его реакция? Повернулся и посмотрел. Окно было темным; свет в моем номере не горел, не было ни двойника, ни той женщины.

Горели фонари, забор был на месте, чернел за забором лес.

Парень кивнул и отпустил мою руку. В этот момент я понял, что от него слегка пахнет алкоголем.

– Пойдемте, провожу вас.

– Почти ночь, а вы на работе? Вы охранник?

– И охранник тоже, и техник. Несколько должностей, у нас многие так. В гостинице постояльцы то есть, то нет, содержать большой штат бессмысленно.

Мы подошли к крыльцу.

– Может, врача вызвать? На вас, простите, лица нет.

Я отказался, сказал, что пойду к себе и отдохну.

– Это лес, да? – проговорил он, когда я пошел к лестнице.

Я обернулся.

– В каком смысле?

– Услышали что-то оттуда? Поэтому пошли к лесу?

Мы смотрели друг на друга, и я ждал, что он улыбнется и скажет что-нибудь вроде «увидели за забором человека» или «там животное было?», но парень не улыбался, смотрел пристально, пытаясь прочесть что-то в моем взгляде.

– А что я мог услышать? Я вас не понимаю.

Парень пожал плечами.

– Все слышат разное. Лес в Чернопади особенный. Если дом возле него, по ночам в окна лучше не смотреть. И не мотаться рядом, конечно. Так и кажется, будто взглядом кто сверлит, занавески лучше на ночь задергивать. Мой дом в центре города, леса не видать, полегче. А здесь-то он, проклятый, совсем рядом!

– Как вас зовут?

– Андрей. У меня жена отсюда родом, познакомились, перебрался к ней. Пятый год вместе. И все пять лет хочу уехать, уговариваю ее. Она упирается, привыкла, говорит, родители, то да се. Меня хренов городишко вымораживает! Ненавижу его. Но зарплата хорошая, жилье у нас.

Выпивка, похоже, развязала ему язык. Был бы трезвым, вряд ли сказал бы это незнакомому человеку.

– У вас окна прямо на лес выходят. Я потому и спросил.

– Не знаю, что вам сказать, – проговорил я. – Никто меня из леса не звал.

Андрей слегка покачнулся.

– Нет так нет. Спокойной ночи.

Он пошел в служебное помещение возле лестницы, не забыв запереть дверь.

Поднявшись к себе, я долго стоял перед дверью, не мог войти. А когда сделал это, то увидел, что номер пуст – как и следовало ожидать. Правда, в воздухе витал тонкий аромат – духи, туалетная вода, словом, что-то парфюмерно-косметическое. Запах был смутно знаком, но, как и в случае с призрачной женщиной в окне, я никак не мог идентифицировать его, связать с кем-то.

Хотя, скорее всего, не было никакого запаха. Через полминуты я, если можно так сказать, принюхался и уже не мог с уверенностью сказать, будто чувствовал что-то.

Но случившееся не получалось проигнорировать, списать на случайность, усталость, обман зрения. Еще и слова Андрея...

Я принял душ, однако тревогу и страх так легко не смоешь. Лег в кровать, крутился-вертелся почти час, но понял, что заснуть не получится. Чем маяться дурью, читая социальные

сети, решил набросать заготовки для будущей книги. Включил ноутбук, создал файл, разложил на столе материалы, полученные от Алисы, погрузился в работу. Было время, она спасала меня, отвлекала, дарила радость. Может быть, не все еще потеряно, и я смогу выйти на новый старт – поначалу с заказной книжкой, а там видно будет.

Передо мной мелькали названия, даты, этапы становления предприятия, превращение меховой фабрики в современное производство. На листке формата А4 – биография владелицы, укладывающаяся в несколько абзацев: местная жительница, родилась и выросла в Чернопади, отлично училась, уехала учиться в Екатеринбург и прожила там несколько лет, потом вернулась в родные края. С 2007 года ее жизнь была связана с фабрикой, куда она устроилась в марте, после возвращения в Чернопадь...

Я читал, записывал, делал пометки – в итоге неплохо поработал: десять страниц текста, включая вступление, план черновика и вопросы. Трудился несколько часов, около половины четвертого утра понял, что валюсь с ног и теперь уж точно засну.

Хотя спать оставалось всего ничего, я был доволен собой: набросал структуру книги, даже введение написал, подготовил список вопросов, которые надо задать Алисе, да и в целом погрузился в историю. Да, это не художественный текст, но все же, кажется, получится создать не сухой буклет, написанный канцелярским и напыщенным языком, а что-то человеческое, теплое.

Будильник выбил меня из сна, как пробку из бутылки. Я долго плескался в ванной, стараясь взбодриться, запрещая себе думать о вчерашнем вечере. Радовало, что удалось неплохо потрудиться, сделать нечто полезное.

Приведя себя в порядок, я позавтракал и намеревался пойти в офис «Дивьи», но Алиса прислала сообщение, что мы встречаемся на два часа позже. Извиняющийся тон и милый смайлик не могли смягчить меня: вот же тупица, не могла вчера предупредить, я поспал бы на час дольше.

Я снова поднялся к себе, думая, чем заняться, когда позвонила Соня.

– Доброе утро, – осторожно проговорил я.

В памяти всплыла женщина, целовавшая моего двойника прошлым вечером (если, конечно, принять, что это могло происходить). То была Соня? Или Маргарита? Или ни одна из них? Я не смог понять.

– Лицемерная дрянь, небось, нагородила горы лжи обо мне? – с вызовом спросила Соня, но за хамоватостью и грубостью я ясно слышал растерянность и волнение обиженного ребенка.

Против воли сердце защемило.

– Она не говорила о тебе плохо. Мне кажется, Маргарита переживает за...

– Ушам своим не верю! – прервала меня Соня. – Переживает? Эта кобра? Да она бы кожу с меня заживо содрала и не поморщилась! Нам нужно встретиться и поговорить, пока ты окончательно не разомлел от ее чар.

– Каких чар, Соня? – фальшиво возмутился я. – Маргарита – моя работодательница.

– Как будто с работодателем нельзя спать, – фыркнула она. – Ты вот-вот влюбишься в нее, если уже не! Она умеет быть обольстительной, удивлюсь, если вы еще не поцеловались.

Значит, толком она ничего не видела, подумалось мне, лишь заметила, что мы стояли близко друг к другу. Соня ревнует? Я, наверное, плохой человек, но было приятно.

– Можем увидеться сегодня, если хочешь, – предложил я. – Поговорим. Но ты все же зря злишься на свою мачеху. Она вырастила тебя и не причинит боли. Да и зачем ей?

После небольшой паузы Соня вздохнула.

– Все хуже, чем я думала. Ты не послушал меня, да?

– О чем ты?

– Сказала же, чтобы ты ничего не брал у нее из рук, никакой еды.

– Да я и не... – начал я и вспомнил, как Маргарита протягивает мне бокал с коньяком.

– Так я и думала, – вздохнула Соня. – Давай встретимся в том же кафе, в «Уралочке», хорошо? В семь.

Я согласился, и мы попрощались.

Не скажу, чтобы наш разговор меня успокоил – скорее уж, наоборот. Нет, я не думал, что Маргарита – ведьма, ведьм ведь не бывает. Но, если принять во внимание мои галлюцинации, когда я то ли вижу что-то, то ли нет...

Нужно перестать заикливаться. Я решил просмотреть свои вчерашние записи, перебросить в телефон вопросы, которые следовало задать Алисе. Открыл файл и в первый момент ничего не понял – передо мной был текст. Но в следующее мгновение похолодел – да, пожалуй, вы снова невысокого мнения обо мне как о писателе: что за избитое описание ужаса. Но мне вправду показалось, будто меня швырнули в ледяную прорубь.

Вчерашнего текста не было – ничего не было: ни пунктов плана, ни страниц, набранных четырнадцатым кеглем «Arial» (я всегда использую этот шрифт и размер). Вернее, не было того, что писал я, а вместо этого сотни раз повторялись слова: «Не сбежишь, лес просто так не отпустит. Свое получишь, а какое оно, свое?»

Не было восклицательных знаков, лишь спокойная констатация факта, уверенность в неизбежности. И повисший в воздухе непонятный вопрос. Я тупо смотрел на раз за разом повторяющиеся фразы и чувствовал себя зверем, попавшим в капкан.

Как выбраться? Только если сумею отгрызть себе лапу.

Или, возможно, перегрызть чью-то глотку.

Глава восьмая

Алиса сегодня была еще более невыносимая и суматошная, чем обычно: на предприятие явились представители областной администрации и еще какие-то важные шишки, все стояли на ушах – и Алиса в том числе. На меня у нее было мало времени, девушку постоянно отвлекали звонками, куда-то вызывали, и в итоге мы решили прекратить эти мучения и договорились увидеться завтра, хоть это и была суббота.

– Завтра спокойно поработаем, – обрадовала меня Алиса, – у меня будет рабочий день. А в воскресенье отдохнете, по городу прогуляетесь.

Прогуляться по городу я решил и без ее советов, причем уже сегодня. Раз мне предстоит торчать в этом городишке еще как минимум неделю, лучше собрать хоть какую-то информацию.

У меня не было определенного плана, я лишь хотел выбраться за огороженную территорию, пройти по улицам, присмотреться к людям. Благо погода позволяла: было хотя и пасмурно, но без дождя, даже солнце временами прорывалось из-за туч.

Было около трех часов дня, когда я вышел за ворота и двинулся по уже знакомой дороге. Чернопадь – крошечный город: пары часов хватит, чтобы обойти его, пересечь с востока на запад и с севера на юг, но я не спешил. До встречи с Соней полно времени.

Ничем особенным среди прочих унылых городов и поселков Чернопадь не выделялась: мне встретились три парикмахерских, детский сад, школа – интересно, насколько она укомплектована. Помнится, водитель в день моего приезда поведал, что школ две, но это здание казалось безлюдным, на крыльце и рядом не было учеников: уроки кончились, дети явно учились в одну смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.